

0219

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Джессика Харт

ЗАДАЧА СО МНОГИМИ НЕИЗВЕСТНЫМИ

Подари себе мерту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Джессика Харт

Задача со многими неизвестными

«Центрполиграф»

2011

Харт Д.

Задача со многими неизвестными / Д. Харт — «Центрполиграф»,
2011 — (Любовный роман – Harlequin)

Корран ведет уединенную жизнь в поместье. Однажды на пороге его дома появляется загадочная незнакомка с манерами аристократки и просит дать ей работу...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Харт Джессика

Задача со многими неизвестными

Глава 1

Тщетно пытаясь отогнать от себя рой комаров, Лотти остановилась на вершине тропинки, чтобы перевести дыхание. Перед ее взором, внизу, открывался впечатляющий вид – большой серый каменный дом, с одной стороны которого располагался крутой склон, а с другой – озеро с такой неподвижной водной гладью, что в ней, как в зеркале, отражались облака и деревья.

Поместье Лох-Мхорай... Отсюда оно выглядело весьма суровым, неприступным. Судя по рассказам деревенских жителей, его владелец достаточно угрюмый человек.

– Он худший из боссов, какие у меня были, – рассказывал Гарри, сидя в баре гостиницы деревни Мхорай. – Ни улыбки от него не дождешься, ни пожелания доброго утра. Как пришел – сразу за работу! Я сказал ему, что нахожусь не в исправительно-трудовом лагере. Кстати, он и платит жалкие гроши, как рабу. В конце концов я послал его с этой чертовой работой куда подальше!

– Совершенно верно, – подтвердила барменша Элси, протирая бокалы и предупреждая Лотти о том, чтобы та не совалась в Лох-Мхорай. – Мы вообще не хотим, чтобы этот Корран Маккенна здесь жил. Поместье Лох-Мхорай должно было достаться его брату, об этом все знают, – сказала она, намекая на неприятную семейную вражду, о которой Лотти не было практически ничего известно. – Никто из деревни не будет на него работать. Тебе лучше отправиться в Форт-Уильям, – посоветовала она Лотти. – Там ты найдешь работу.

Но Лотти не могла позволить себе тут же отправиться в Форт-Уильям. У нее не было денег. А если у тебя нет денег, нужно устроиться на работу, верно? Во всяком случае, она слышала, что многие так поступают. Прежде Лотти никогда не приходилось думать о деньгах.

Теперь настали совсем иные времена.

Итак, перед Лотти возникла первая трудность, и она намерена с нею справиться. Ее прежняя жизнь была слишком роскошной, слишком легкой, без каких-либо проблем. И Лотти понимала, что, если не изменит свою жизнь хотя бы на короткое время, ничего о себе не поймет. Поэтому она на несколько недель решила стать обыкновенным человеком. Ей хотелось понять, каков истинный характер ее высочества принцессы Шарлотты Монтвиван.

Задача первая: заработать денег. Лотти надела рюкзак на тонкие плечи. Если зарабатывать удастся любому простому смертному, то и она справится с этой задачей!

Пройдя три мили, она очень устала, и ее доконали назойливые комары. И сейчас, поглядывая на неприветливый дом в долине, она подумала, что совершила ужасную ошибку. Поместье Лох-Мхорай находится в очень уединенном месте, Корран Маккенна живет вдали от всех. Не опасно ли стучаться в его дом и просить дать ей работу? А вдруг Элси права и он окажется человеком, которому нельзя доверять? Неприязнь Элси к Коррану была основана на том, что он не является настоящим шотландцем. Она утверждала, что он приобрел поместье под ложным предлогом.

Но у Лотти не было выбора. В конце концов, стоит ей сделать всего один телефонный звонок, и в ее распоряжении будет вертолет из дворца, который доставит ее обратно в Монтлюс. Там не будет комаров, заботы о деньгах и необходимости рисковать. Там ее встретит суровая бабушка, и Лотти в который раз осознает собственную бесполезность. Все станут относиться к ней как к сбежавшей принцессе, которая не смогла прожить самостоятельно даже одну неделю...

Лотти скривилась при мысли о возможном унижении. Три месяца назад она обо всем договорилась с Филиппом и Каро и исчезла из дворца, чтобы выяснить, на что она способна. Нельзя останавливаться перед трудностями и возвращаться домой, поджав хвост!

«Я принцесса Монтлюса», – подумала Лотти и вздернула подбородок. Она с детства слышала легенды о гордых и мужественных правителях Монтлюса, благодаря которым страна так долго была независимой: о Леопольде Лонгсворде, принцессе Агате, вышедшей замуж за немецкого принца, который был почти на пятьдесят лет старше ее, – она пошла на это, чтобы сохранить преемственность власти в стране. И, конечно, о знаменитом Рауле Вульфе.

Они столкнулись с гораздо большими трудностями, чем Лотти. Ей нужно просто найти себе работу. Неужели она станет первой из рода Монтвиван, которая согласится принять поражение?

Лотти поклялась, что такого не произойдет.

Поправив рюкзак, она решительно отправилась вниз по дорожке в поместье Лох-Мхорай.

Когда Лотти наконец доплелась до входной двери, дом показался ей еще более неприветливым. Повсюду царила атмосфера заброшенности. Сорняки росли на когда-то красивой гравийной дорожке, окна казались холодными и неудобными. Было очень тихо. Ни света, ни музыки, ни каких-либо признаков того, что в доме кто-то живет. Слышались только карканье воронов, парящих между кронами сосен, и крики летающих над озером птиц.

Лотти помедлила, глядя на старомодный дверной звонок. Что она станет делать, если Коррана Маккенны не окажется дома? Она сомневалась, что ее ноги выдержат подъем на высокий холм.

Глубоко вздохнув, Лотти нажала кнопку звонка. И услышала, что в доме раздался дребезжащий звук. Сразу же послышался яростный собачий лай. Ей показалось, что в доме целая стая собак, и она машинально сделала шаг назад. Последовала резкая команда, и одна собака утихла, но другая собака продолжала тявкать. А затем ее лай стал приглушенным, словно собаку где-то заперли.

Несколько мгновений спустя входная дверь резко открылась.

На пороге появился высокий суровый мужчина со сдержанным выражением на лице. Он оказался моложе, чем предполагала Лотти, и обладал резкими чертами лица, бескомпромиссно поджатыми губами и светло-голубыми глазами.

– Да?

– Я и-ищу работу, – сказала Лотти, проклиная свое заикание, которое мучило ее в особенно тревожные моменты. Она подумала о том, что Рауль Вульф на ее месте явно бы не запи-
нался.

Его брови ожесточенно сдвинулись.

– Работу? Какую работу?

– Я слышала в деревенской гостинице, что вам нужно помочь восстановить некоторые коттеджи, которые вы будете сдавать в аренду.

– Новости распространяются быстро... Или это Гарри остановился в баре на обратном пути в Глазго? – прибавил Корран, бросив на Лотти язвительный взгляд.

Лотти отмахнулась от комаров, которые кружились у ее ушей:

– Он сказал, у вас не осталось помощников и на вас никто не будет работать.

– А еще он говорил, что это была самая худшая работа, какую он когда-либо делал, не считая грошовой оплаты. И что я самый худший босс. Разве не так?

– Что-то вроде этого...

– И все же вы хотите работать на меня?

– У меня нет выбора, – сказала Лотти.

Он оглядел ее светло-голубыми глазами. Лотти никогда не была предметом такого пристального рассматривания, поэтому напряглась. Никто в Монтлюсе не смеет так глядеть на нее.

– Простите, что так говорю, но вы не похожи на отчаявшегося человека, – произнес Корран Маккенна. Он кивнул на ее ультрасовременные брюки и мягкую рубашку, которые она купила в Глазго всего четыре дня назад. – На вас совершенно новая одежда, и, судя по этикеткам, довольно дорогая. Кроме того, – сказал он, – вы не подходите для данной работы.

– Почему нет?

– Начнем с того, что вы женщина.

– Не слишком веская причина, – произнесла Лотти. Она, возможно, и не хотела обращаться к своему королевскому статусу, чтобы защитить себя, но ей не нравилось, когда с ней разговаривают пренебрежительным тоном. – Не кажется ли вам, что речь идет о дискриминации по половому признаку?

– Мне нужен физически сильный человек для тяжелой работы. А для вас, судя по всему, самое большое физическое усилие – откручивание колпачка туши для ресниц.

Глаза Лотти сверкнули от негодования. Она вдруг снова вспомнила о своих прославленных предках.

– Я не пользуюсь тушью для ресниц, – сказала она холодно, – и я сильнее, чем кажусь.

Вместо ответа, Корран Маккенна взял ее за руки и оглядел со всех сторон, словно какую-то бандероль при получении. Его пальцы были длинными, с затупленными кончиками, в его огромных руках руки Лотти казались крошечными. Он провел пальцами по ее ладоням, и Лотти поежилась от его небрежного прикосновения.

– Пожалуйста, не рассказывайте мне о том, что когда-то занимались черной работой, – произнес он.

– Это не означает, что я не могу заниматься ею сейчас. – Лотти высвободила руки. – Пожалуйста, поймите, – сказала она, стараясь не замечать, как от его прикосновений покалывает ладони, – мне очень нужна работа!

– А мне на самом деле нужен толковый помощник, – произнес Корран. – Но я говорю вам «нет», и мне очень жаль. И не смотрите на меня своими большими глазами, – сухо прибавил он. – На меня ваши умоляющие взгляды не действуют.

Лотти была явно оскорблена:

– Я смотрю на вас как на любого другого человека!

Коррану было трудно поверить, что она действительно не знает о том, какое влияние оказывает на мужчину, смотря на него ясными серыми глазами. Они были необыкновенно красивыми и имели оттенок мягкого летнего тумана в обрамлении густых, длинных черных ресниц.

Такие глаза могут свести с ума любого мужчину.

Девушка оказалась очень красивой, стройной и изящной. Она носила на спине рюкзак с прирожденной элегантностью. Мягкий шарф на шее придавал ее хрупкой внешности налет изысканности. А у Коррана была веская причина не доверять утонченным особам. Правда, аристократическую внешность незнакомки несколько портили ярко-рыжие волосы...

Нахмурившись, он посмотрел за ее плечо на дорогу, думая, что там стоит ее автомобиль, но гравийная подъездная аллея была пуста.

– Как вы сюда попали?

– Я шла от гостиницы пешком, – сказала она, глядя на него с опаской.

– Вам не приходило в голову, что нужно заранее позвонить? – спросил он рассерженно. – Вам бы не пришлось идти сюда без толку.

– Мой телефон здесь не работает, – произнесла она.

– Мобильный работать действительно не будет, – кивнул Корран. – Вот почему мы до сих пор пользуемся подземным телефонным кабелем, – объяснял он ей, словно ребенку.

– О!

Ее голос звучал растерянно. Корран мог почти поклясться, что эта особа никогда не пользовалась обычным телефоном. Может быть, его у нее нет. Хотя привычка обладать определенными привилегиями читалась в каждой черте ее лица. Казалось, что она принадлежит к классу потомственных аристократов.

Ему пришлось взять себя в руки, чтобы не поддаваться влиянию умоляющего взгляда этих удивительных серых глаз.

– О, ладно... Я люблю ходить пешком, – сказала она, обретя дар речи.

– Вы выглядите так, словно валитесь с ног, – откровенно выдал Корран. – Сколько вы сегодня про шли?

– Шестнадцать миль.

Отлично! Она прошла шестнадцать миль, и он должен позволить ей вернуться в гостиницу? Корран вздохнул с досадой, ибо понимал безвыходность ситуации.

– Как тебя зовут? – спросил он, неожиданно перейдя на «ты».

– Лотти, – сказала она. Немного погодя, прибавила: – Лотти Маунт.

– Ладно, Лотти, подожди здесь. Я возьму ключи.

Ее лицо просияло.

– Ты позволишь мне остаться?

– Нет, – сказал Корран, игнорируя тревожное еканье сердца. – Я собираюсь отвезти тебя обратно в гостиницу в Мхорай.

Она посмотрела на него с ужасом, отмахиваясь от комаров:

– Я не хочу туда возвращаться!

– Честно говоря, мне все равно, чего ты хочешь, – раздраженно произнес он, действительно начиная чувствовать себя виноватым. Кроме того, у него участилось сердцебиение. – Я желаю, чтобы ты убралась с моей территории. Я не позволю тебе пешком добираться до гостиницы. У меня и так скверная репутация, не хватало еще, чтобы ты упала в обморок посреди дороги.

– Я не упаду, – возразила она. – И я не собираюсь ехать с тобой на машине.

– Немного поздно для сомнений, раз уж ты проделала такой большой путь, – заметил Корран. – Здесь только я и собаки.

– Ну, во всяком случае, я предпочла бы идти назад пешком, – сухо сказала Лотти. – Сегодня приятный вечер.

Корран посмотрел на небо. Как часто бывает в Шотландии, утро было довольно хмурым, но во второй половине дня небо прояснилось, и сейчас, почти в семь часов вечера, на небосклоне было всего несколько прозрачных облачков. В это время года стемнеет только через несколько часов. Лотти права. Прекрасный вечер сегодня.

– Комары съедят тебя живьем, – произнес он, глядя, как она хлопает себя ладонью по шее ниже уха. – Если уже не съели.

– Я справлюсь. – Она задрала подбородок. – Я предпочла бы идти пешком, – прибавила она и наклонилась, чтобы надеть рюкзак на спину. Корран увидел, как она вздрогнула от тяжести своей поклажи, и нахмурился.

– Не глупи, женщина, – раздраженно бросил Корран. – Ты не сможешь проделать весь путь обратно, если уже прошла шестнадцать миль. – Он указал на нее пальцем. – Оставайся на месте. Я возьму ключи от своей машины.

Он вернулся менее чем через две минуты, но к тому времени Лотти уже шла по дороге.

– Отлично! – крикнул он ей вслед. – Продолжай упрямитесь! Только не рухни на моей земле!

– Не рухну, – бросила она ему через плечо.

Расстроенный Корран стоял у двери и смотрел на ее изящную фигурку. Девушка высоко держала голову, но шла с заметным усилием.

О чем она думала, постучавшись в чужой дом в поисках работы? Сейчас здесь вообще небезопасно. Ведь и он сам мог оказаться кем угодно...

Корран нахмурился. У него достаточно своих проблем, чтобы беспокоиться о Лотти, если это ее настоящее имя. Но – удивительное дело! – он продолжал смотреть ей вслед и хмуриться. Он даст ей пробыть в пути полчаса или около того, а затем станет ясно, что делать. Девушка наверняка к тому времени изменит свою точку зрения и, несомненно, будет более чем благодарна, если он ее подвезет.

Но когда Корран через полчаса поехал по дороге на автомобиле, то никого не увидел. Он доехал до Мхорая, хотя в гостиницу заходить не стал. Местные жители ясно давали понять, что о нем думают.

В любом случае он не обязан нести ответственность за эту девушку! Вернувшись в дом на внедорожнике, он убедил себя, что и не станет о ней думать.

Тем не менее спал Корран плохо и пребывал в отвратительном настроении, когда на следующее утро отправился в коттеджи. Собаки бежали впереди него мимо старой конюшни и кирпичной стены сада.

Ночью шел дождь, и теперь воздух был наполнен свежим и сладким запахом папоротника, растущего на холмах. Вдруг колли упала на живот и насторожилась. Корран нахмурился.

– Что такое, Мэг? – Он посмотрел вокруг себя и сдвинул брови. – А где эта чертова собака?

Приказав Мэг оставаться на улице, он вошел в коттедж. Дверь налево вела в гостиную, и там он увидел пса своей матери, который крутился около девушки, появившейся на пороге его дома накануне вечером.

Корран лишился дара речи.

На ней была та же одежда, что и накануне, за исключением того, что теперь шарф был повязан вокруг головы в старомодной манере. Но даже так она выглядела шикарно. Рукава ее рубашки были закатаны. Она выметала из комнаты опилки. По-прежнему держа метлу в руках, она присела и погладила пса.

Увидев Коррана, девушка выпрямилась.

– Доброе у-утро! – радостно сказала она, и он услышал ее легкое заикание, которого не заметил вчера. Корран догадался, что она запинаясь, когда нервничала.

– Какого черта ты здесь делаешь? – спросил он довольно сдержанным тоном при данных обстоятельствах.

– Ну, я увидела, что ты здесь работал, поэтому решила, что пора начать у-уборку.

– О, неужели?! А разве я тебе не говорил, что не собираюсь брать тебя на работу и желаю, чтобы ты убралась с моей территории?

Она упрямо поджала мягкие губы:

– Я хотела доказать тебе, что смогу работать. Я лишь прошу тебя предоставить мне возможность показать, на что я способна.

– Я доехал до Мхорая минувшим вечером, думая, что ты согласишься, чтобы я тебя подвез, – в ярости произнес Корран. – Все это время ты была здесь?

– В сарае есть солома. Я на ней... спала...

Лотти провела самую беспокойную ночь в своей жизни. Несмотря на усталость, она никак не могла уснуть. В конце мая по ночам было еще прохладно, и она замерзла, горько пожалев о том, что вообще отправилась в Лох-Мхорай. Теперь она больше всего хотела принять горячий душ и выпить кофе.

Но сначала она должна убедить Коррана позволить ей остаться.

Он смотрел на нее ничуть не обнадеживающе – сдвинув брови и бескомпромиссно поджав губы.

– Слушай, извини, – произнесла Лотти. – Я знаю, что перехожу всякие границы, но я могу справиться с этой работой. Гарри – тот парень, которого я встретила в гостинице, – говорил, что занимался у тебя уборкой и покраской. Я тоже могу выполнять эту работу. Тебе даже не нужно мне платить, – быстро сказала она, когда Корран открыл рот, чтобы ответить. – Я слышала, что ты не можешь платить много, поэтому я готова работать в обмен на позволение остаться. – Он промолчал, и она, воодушевившись, прибавила: – Почему бы тебе не дать мне шанс? Я не буду ничего тебе стоить. И потом, я лучше, чем никто, верно?

– Это зависит от того, сколько пользы ты принесешь, – мрачно произнес он. – Я надеюсь, ты не собираешься мне заявить, что умеешь строить дома?

– Я знаю, как важно сохранять в чистоте строительную площадку, – сказала Лотти. Она когда-то закладывала первый камень в фундамент новой больницы в Монтлюсе и была впечатлена опрятностью строительного объекта. Местный прораб сказал ей тогда, что не потерпит на объекте грязи и беспорядка. – Беспорядок на рабочем месте повышает уровень опасности объекта, – процитировала она Коррану того прораба.

– И на скольких строительных объектах ты бывала? – спросил он, явно все еще сомневающийся.

Лотти подумала обо всех стройках, которые посещала за прошедшие годы. Ее отец, наследный принц, больше интересовался историей Древней Греции, чем современной жизнью Монтлюса. А после того как умерла ее мать, Лотти возложила на себя обязанности королевской супруги.

– Ты удивишься, – ответила она.

Корран изучал ее, прищурившись:

– Неужели удивлюсь?

Лотти наклонилась, чтобы погладить пса, который по-прежнему крутился у нее под ногами.

– Слушай, при идеальных обстоятельствах ты бы нанял квалифицированного строителя, – сказала она, – но квалифицированные строители не выстраиваются к тебе в очередь, так почему бы тебе не дать мне возможность попробовать поработать, пока ты не найдешь кого-то еще? Что может быть такого трудного в покраске и уборке, в конце концов? И, по крайней мере, мои услуги не нужно оплачивать.

Корран размышлял над ее словами. Лотти затаила дыхание, когда он потер рукой подбородок.

– Я не отрицаю, что мне трудно найти человека, готового работать дольше нескольких дней, – наконец произнес Корран.

– Значит, тебе нужно совершенствовать навыки менеджера, – сказала Лотти, подметая пол.

– Я вижу, ты долго разговаривала с Гарри! – Корран с отвращением фыркнул. – Ему следовало оштукатурить всего несколько стен. Для чего, черт побери, мне нужны навыки менеджера?

– Ну, знаешь, слова поощрения очень помогают, – проговорила Лотти, не сдержавшись. – Но мне от тебя не нужно никакой похвалы, – прибавила она поспешно.

– Ни похвалы, ни денег... – Корран смотрел, как она безуспешно пытается подмести пол, и не мог понять, чувствует себя заинтригованным или разочарованным. – Я не понимаю, почему ты так хочешь здесь работать. Почему бы тебе не найти хорошо оплачиваемую работу?

– Я не могу позволить себе пойти куда-нибудь еще. Вчера я потеряла свой кошелек.

Лотти упрекнула себя за то, что не привыкла внимательно следить за своими вещами. Во дворце любой слуга подбирал за ней вещи, и кто-то обязательно следил за тем, чтобы вовремя оплачивать ее счета.

– У меня нет денег даже на чашку кофе, не говоря уже о билете на автобус.

Подозрение Коррана усилилось.

– Большинство женщин, теряя свои кошельки, обращаются в полицию, – отметил он. – Они не отправляются в горы и не появляются на пороге дома незнакомого мужчины, не требуют от него дать им работу, хотя у них нет никакой квалификации. В конце концов, они не посягают на чужую собственность!

Лотти покраснела:

– Мне очень жаль, но я не знаю, что еще делать...

– А как насчет звонка в банк, который выдал тебе кредитную карту?

Она не могла ему сказать, что телефонный звонок в банк, скорее всего, приведет к тому, что она тут же отправится в Монтлюс, где по приказу бабушки ее разыскивает вся служба безопасности.

– Я не хочу, чтобы знали о моем местонахождении, – произнесла она немного погодя.

Корран сдвинул черные брови.

– Ты не в ладах с полицией? – спросил он.

На мгновение Лотти подумала, не заявить ли ему, что она стянула ценный алмаз, но потом передумала.

– Ничего подобного. – Она облизнула губы. – Дело в том, что я... я должна была уехать на некоторое время... – начала она осторожно. – Моя мать всегда рассказывала мне о том времени, когда посещала гористую местность Шотландии, и я подумала, что будет мило, если я тоже окажусь здесь.

Пока все было верно. Лотти провела долгие часы рядом с матерью, когда та умирала. Она держала ее тонкую руку и ободряюще ей улыбалась, чтобы мать не волновалась. Ей было всего двенадцать лет, но она ни разу не заплакала, ибо бабушка заявила, что принцесса Монтлюса должна быть храброй и стойко переносить все беды.

Не было необходимости говорить Коррану о том, что знакомый офицер службы безопасности помог Лотти тайно выехать в Париж, а затем перебраться в Гуль, где ее никто не знал.

Она сама перекрасила себе волосы, однако оттенок волос оказался совсем не таким, как на фото на коробке с краской для волос. Лотти была в ужасе, когда посмотрела на себя в зеркало и увидела, что ее волосы стали огненно-рыжими. Она выглядела ужасно! Единственное утешение – никто и никогда не ассоциировал принцессу Шарлотту с рыжим цветом волос.

– Я замечательно проводила время в Шотландии, – сказала она Коррану. – Вчера я решила перекусить в пабе, где, наверное, и выронила кошелек. Когда я добралась до гостиницы в Мхорае, то поняла, что у меня больше нет денег. В гостинице мне позволили позвонить в паб, но там ничего не знали о моем кошельке.

Слушая рассказ Лотти, Корран изумлялся ее наивности. И что теперь прикажете с ней делать? Ему пришла в голову мысль о том, что она, возможно, какая-нибудь знаменитость, которой необходимо скрыться от представителей средств массовой информации на некоторое время.

Она напомнила ему косулю, которую он увидел из окна спальни рано утром. Косуля остановилась и подняла голову, изящная и осторожная. Лотти обладала точно таким же невинным и настороженным взглядом...

Корран резко одернул себя. Что с ним происходит? В любой момент он вот-вот начнет цитировать стихи, поддавшись ее очарованию. А ведь ему следует помнить о том, насколько легко красивой женщине удастся вить веревки из мужчины.

Глава 2

Корран нахмурился, предавшись воспоминаниям. Что бы там Лотти ему ни говорила, он все равно с подозрением относится к ее объяснениям.

– Продолжай, – мрачно велел он. – Итак, ты оказалась в гостинице и обнаружила, что у тебя пропал кошелек...

– Ну я и застряла в этой гостинице, – стала охотно объяснять Лотти. – Но потом я встретила Гарри, и он рассказал мне о работе... И оказалось, что он имел в виду тебя. Мне нужна работа, тебе нужен работник. Я проделала такой большой путь, но ты отказался даже выслушать меня! Я не могла возвращаться в гостиницу, поэтому нашла здесь место для ночлега. Но уснуть не удалось, потому что меня загрызли комары. – Она показала ему обнаженные предплечья, которые расчесала.

Но Корран отказался проявлять к ней сочувствие.

– Так тебе и надо, – грубо произнес он. – Будь ты разумнее, я подвез бы тебя до гостиницы, и оттуда ты позвонила бы кому-нибудь.

– Я не буду никому звонить, – заупрямилась Лотти. – Я не могу тебе всего объяснить, просто не могу. – Она жалостливо посмотрела на Коррана. – Пожалуйста, позволь мне остаться. Только на несколько недель.

– Несколько недель?

– Пока ты не найдешь нового работника, по крайней мере, – быстро уточнила она.

Коррану удалось наконец отвести взгляд в сторону. Он вздохнул.

– Пойдем со мной, – резко сказал он.

Поставив метлу у стены, Лотти вышла за Корраном из коттеджа. На улице их встретила черно-белая колли и еще один пес, ужасно смешной, с грязноватой белой шерстью.

– Это Мэг, – произнес Корран, указывая на колли. – Она послушная, в отличие от некоторых.

Лотти решила возразить, что она тоже очень послушная, но, взглянув в лицо Коррана, решила промолчать.

Он подвел ее к другому коттеджу, открыл входную дверь и пригласил Лотти войти, иронично махнув рукой.

Лотти осторожно шагнула внутрь. Коттедж оказался в очень запущенном состоянии. Повсюду валялась сломанная мебель, окутанная серой паутиной. В кухне находилась грязная и ржавая раковина, под старым холодильником виднелась плесень, пол был усеян мышьиным и птичьим пометом. Стекла в открытых окнах были потрескавшимися и грязными, перила лестницы сломаны. Боясь передвигаться по скрипучим половицам, Лотти медленно повернулась на месте.

– Что скажешь? – спросил Корран.

– Здесь... требуется доработка.

– Из пяти коттеджей этот находится в лучшем состоянии. – Мрачная улыбка коснулась уголков его рта, когда он увидел выражение лица Лотти. – По крайней мере, здесь не требуется большая работа. Нужно только починить крышу. Через три месяца все коттеджи должны быть полностью готовы для приезда арендаторов.

– Три месяца? Три месяца уйдет только на то, чтобы избавиться от грязи в одной этой комнате! – позволила себе возразить Лотти.

– Жаль, что ты так думаешь, потому что я собираюсь предложить тебе сделку, – произнес Корран.

– Сделку?

– Ты делаешь уборку в этом коттедже и готовишь его к покраске к концу недели, и тогда я позволю тебе остаться. Ни на минуту не сомневаюсь, что ты не задержишься здесь так долго. Но если ты останешься, то сможешь покрасить коттедж, а потом займешься следующим коттеджем. – Он посмотрел на Лотти. – Ты справишься?

Лотти поджала губы и сделала вид, что внимательно разглядывает комнату и подсчитывает, сколько времени займет уборка. Но, по правде говоря, она понятия не имела, как приступить к устранению подобного беспорядка. Корран явно полагал, что поставил перед ней невыполнимую задачу.

«Рауль Вульф не спасовал бы перед трудностями», – подумала она.

– А что взамен? – спросила она с наигранной беспечностью.

– Взамен ты получишь питание и жилье. Ты сказала, что готова работать бесплатно. Итак, либо ты соглашаешься, либо нет. Знаешь, чтобы избавиться от тебя, я готов отнести тебя в гостиницу на руках.

Никто никогда не говорил с Лотти так, как Корран! Хотя прежде она ни разу не оказывалась в подобных обстоятельствах...

– Я согласна, – сказала она.

– Ты об этом пожалеешь, – предупредил Корран.

Лотти подняла голову и встретила его взгляд:

– Ну, проживем – увидим.

– Проживем – увидим, – согласился он. – Держу пари, что ты сбежишь до конца сегодняшнего дня.

– И я принимаю твой вызов! Я утверждаю, что буду здесь в конце текущего месяца!

Губы Коррана изогнулись в насмешливой улыбке.

– Ты действительно готова поспорить?

– Готова. – Ее серые глаза сверкали решимостью. – Какова ставка?

– Ну, как мы знаем, денег у тебя нет. Что ты можешь поставить?

Лотти подумала о роскоши, в которой жила совсем недавно.

– Свою гордость, – сказала она.

Мгновение Корран пристально смотрел в ее глаза.

– Ладно, – произнес он. – Если ты готова рискнуть, пеняй на себя.

– А что получу, когда выиграю? – спросила она.

– Чего бы ты хотела?

Лотти стала судорожно соображать:

– Если я пробуду здесь до конца месяца, ты... ты поведешь меня ужинать в ресторан.

Корран не улыбнулся, но в его светло-голубых глазах читалось явное изумление.

– Похоже, мы договорились, – сказал он. – Ты получаешь работу.

– О, замечательно! – воскликнула она, и ее лицо осветилось улыбкой. – Спасибо!

У Коррана екнуло сердце, когда он посмотрел в ее глаза и на мгновение затаил дыхание. Ему все-таки удалось взять эмоции под контроль, но он не на шутку встревожился. Ведь она всего лишь ему улыбнулась!

Резко отведя от нее взгляд, Корран решил выместить негодование на белой собаке, которая проникла в коттедж вместе с ними и теперь старалась расширить дырку в плинтусе.

– Пууки! Отойди оттуда! – прорычал он. Пес подошел к нему, и стало видно, что его шелковистая белая шерсть еще больше испачкалась от пребывания собачки в неубранном коттедже.

Лотти недоуменно посмотрела на Коррана:

– Пууки?..

Он стиснул зубы:

– Это пес моей матери. – Он с отвращением посмотрел на собаку, чья шерсть была увешана паутиной. – Не понимаю, как можно было так его назвать.

Лотти присела на корточки и погладила Пууки, который неистово замахал коротким хвостом.

– Какой он милый, – сказала она.

– Никакой он не милый! – фыркнул Корран. – От него одни неприятности. Он никогда не слушается и все время пачкается. Разве придет человеку в здравом уме идея завести белую собаку? Я пытался говорить матери о том, что здесь не подходящее место для Пууки, но она не слушала. И теперь я должен смириться с его пребыванием на четыре месяца, пока она находится в кругосветном плавании! Сейчас у нее четвертый медовый месяц или, возможно, уже пятый... Я потерял им счет.

– Ну пес, кажется, вполне доволен. – Лотти посмотрела на грубо остриженную шерсть. – Я полагаю, он длинношерстный?

– А на голове ему завязывают бантик, чтобы шерсть не попадала в глаза, – кисло произнес Корран. – У меня нет времени разбираться со всем этим бредом. Я его остриг, как только мать уехала. Она будет ругаться, когда вернется. Но здесь строящееся поместье, и Мэг будет чувствовать себя униженной, если повсюду станет носиться некий пуховый шар с лентой в волосах.

Лотти рассмеялась и выпрямилась:

– Я вижу, Пууки совсем не вписывается в здешнюю атмосферу! – Она оглядела грязный коттедж. – Ну, мне пора приступать к работе. Можно мне взять метлу из другого коттеджа?

– Во-первых, тебе нужно переодеться, – сказал он, нахмурившись. – Тебе предстоит грязная работа.

– У меня нет другой одежды. Я привезла то, что смогла положить в рюкзак.

– Я смогу найти для тебя старую рубашку, – грубо произнес Корран.

– Ну... спасибо. – Лотти одарила его лучезарной улыбкой, которая была известна всем жителям Монтлюса. – Если тебя не затруднит.

– Немного поздно говорить о неудобствах, – проворчал он. – Тебе лучше пройти в дом. Ты ведь не завтракала?

– Нет, – призналась она, и он раздраженно выдохнул:

– Как ты собираешься работать на голодный желудок? Я не хочу, чтобы ты падала в голодный обморок.

Он затопал обратно в дом, Лотти кротко последовала за ним. Мэг бежала рядом, а Пууки наматывал вокруг них круги, взволнованно таякая.

Войдя в хозяйский дом через заднюю дверь, Корран снял пыльные сапоги и щелкнул пальцами собакам:

– Я покормлю этих двух, а потом, возможно, запру Пууки наверху. Если хочешь, приготовь себе чаю. Кухня там.

Он исчез в коридоре, увешанном старыми куртками и уставленном грязными сапогами. Собаки шли за ним по пятам. Было нечто настолько нелепое в соседстве рослого мужчины и маленькой пушистой собачки, что Лотти не сдержала улыбку, смотря им вслед. Хотя Корран выглядит жестким человеком, он не смог отказать в просьбе своей матери.

Оказавшись на кухне, она наполнила водой из-под крана электрический чайник и установила его на подставку.

Теперь нужно найти чай. Лотти достала упаковку чая и поняла, что чайник не нагревается. Она приложила к нему руку и опустила голову, чтобы прислушаться и выяснить, происходит ли что-нибудь. Корран вошел на кухню и поднял брови, увидев, как она прижимается ухом к чайнику.

– Не похоже, что он работает, – сказала она и выпрямилась.

Корран посмотрел на чайник, а затем на нее. Не говоря ни слова, он нажал на кнопку с задней стороны чайника. Сразу же зажегся световой индикатор и послышался шум.

Лотти прикусила губу:

– Я никогда не пользовалась таким чайником.

– Ты умеешь класть чайный пакетик в кружку и заливать его кипятком? – язвительно спросил Корран.

– А кофе у тебя нет?

– Быстрорастворимый. – Он бросил ей банку, которую она поймала по чистой случайности. – Извини, предметов роскоши у меня нет, – сказал он, правильно интерпретируя замешательство Лотти: прямо сейчас она была готова продать душу за чашку горячего, свежемолотого кофе. – Я буду пить чай, – сказал он, открывая шкаф. – Кружки здесь.

– Ты недавно сюда переехал? – Лотти достала две кружки. – Здесь не так много вещей.

– Я переехал пару месяцев назад. – Корран положил два куска хлеба в тостер и включил его. – У меня никогда не было много вещей. Военному вообще не нужно много вещей, к тому же моя бывшая жена при разводе получила дом вместе с его содержимым.

Лотти покосилась на него, когда он открыл холодильник и выудил оттуда сливочное масло, джем и молоко, которое настороженно понюхал, прежде чем поставить на стол. Она вовсе не удивилась тому, что Корран назвал себя военным. Об этом можно было догадаться по его сухим и жестким манерам.

Но ее встревожило другое. Она не могла понять, почему у нее сжималось в груди, когда она смотрела на губы Коррана? И с какой стати она стала грезить о его поцелуе?

Лотти заставила себя посмотреть в сторону и сосредоточилась на открывании банки кофе.

– Жаль, что кухня такая пустая, – сказала она, прерывая молчание. Ее голос звучал слабо, словно ей не хватало воздуха. – Ее можно красиво оформить.

Корран хмыкнул:

– Кухня сейчас волнует меня меньше всего. Остальные комнаты в доме такие же пустые. Я хочу восстановить поместье и зарабатывать на нем деньги. А пока могу пожить и без мебели.

– У тебя вообще нет мебели?

– Только самое необходимое. Стол. Пара кроватей. – Он кивнул на кресло у кухонной плиты. – В этом старом кресле когда-то спала отцовская собака.

– Значит, это был дом твоего отца?

– Да, – резко сказал Корран. – Я унаследовал его дом и все поместье.

– Разве дом был без мебели?

Он пожал плечами:

– Моя мачеха вывезла из дома все, когда переехала в Эдинбург.

– Почему она так поступила?

– Это ты у нее спроси, – уклончиво ответил он.

Лотти принялась к кофе и непроизвольно поморщилась от отвращения. Она пыталась вспомнить, о чем ей говорила барменша из гостиницы в Мхорае.

– Я слышала, в твоей семье какая-то вражда, – сказала Лотти.

– Я ни с кем не вражду, – произнес он спокойным тоном.

Лотти стала накладывать в чашку кофе, но остановилась, когда увидела выражение лица Коррана:

– Что-то не так?

– Ты пьешь такой крепкий кофе?

Ой-ой. Она действительно перестаралась.

– Хм, да... Говорят, что имущество должно было перейти к твоему брату, – сказала она, чтобы его отвлечь.

– Моему брату по отцу, – резко поправил он. – Кто тебе об этом сказал? Ах да! Ты получала информацию в гостинице. Это известный центр выдачи объективной информации!

– Это правда?

– Нет, это неправда. – Корран нахмурился, когда поставил на стол две тарелки и стал рыться в ящике для ножей. Почему ему стало небезразлично, что о нем подумает Лотти? – Я старший сын своего отца, – с трудом произнес он. – Я здесь родился.

Она нашла теплое местечко у кухонной плиты и встала там, держась руками за горячую металлическую перекладину.

– Ты не похож на шотландца, – промолвила она.

– Мои родители развелись, когда мне было шесть лет. Моя мать увезла меня в Лондон.

– Значит, Лох-Мхорай все-таки не является твоим домом?

– Является! Я проводил здесь каждое лето, когда навещал отца.

Лотти нахмурилась:

– Тогда почему возникли вопросы с недвижимостью? Разве не старший сын является единственным наследником?

– Обычно так и бывает, но мой братец Эндрю всегда был популярен в здешних местах. Особенно в гостинице, где он, кажется, проводил большую часть своего времени, насколько я понимаю. Все предпочли бы, чтобы поместье унаследовал именно он.

– Почему не ты?

Он вздохнул:

– Ты всегда так любопытна?

На мгновение Лотти опешила:

– Просто привыкла задавать много вопросов.

– Издержки профессии?

Что-то нечитаемое промелькнуло в ее глазах.

«Хорошо, – подумал Корран. – Пусть почувствует для разнообразия, каково отвечать на вопросы».

– Да, – сказала она после недолгого молчания и откашлялась. – Я занимаюсь связями с общественностью.

– Означает ли это, что ты с радостью обсуждаешь семейные проблемы с посторонним человеком?

На ее лице снова появилось странное выражение.

– Нет, пожалуй нет. Но мы не собираемся оставаться посторонними, да? Мы будем работать вместе в течение целого месяца, и я смогу выиграть пари, – напредила она. – Мы могли бы лучше узнать друг друга. И я предпочла бы знать правду, а не полагаться на слухи.

– Поместье Лох-Мхорай мое, – сказал Корран. – Такова правда.

– Я не понимаю, почему тебя не любят в деревне.

– Не каждый влюбляется в такого очаровашку, как я, – прорычал он и пожалел о своих словах, когда она хихикнула. Смеющаяся Лотти становилась поразительно хорошенькой.

– О, я понимаю, что не всем нравится твой жизнерадостный, – она подчеркнула это слово, – характер, но ты стал наследником по закону, верно?

Корран раздраженно выдохнул:

– Мой отец всегда хотел отменить ограничение на право наследования поместья. Эндрю был его любимчиком. Об этом все знали. У брата было огромное преимущество, ведь он никоим образом не напоминал ему мою мать. Мой отец так и не простил ее за то, что она от него ушла. Каждый раз, когда он смотрел на меня, он видел ее. Поэтому мне было нелегко сюда приезжать. Но я был совершенно счастлив, пока находился в Лох-Мхорайе. Я знал, что чувствует мой отец, и в конце концов смирился с тем фактом, что поместье отойдет Эндрю. Вот почему я пошел в армию. Тогда я решил, что если не смогу жить здесь, то у меня не будет

корней, а военная жизнь меня вполне устраивала. Когда моя служба закончилась, я хотел вернуться сюда и купить это поместье. Но потом узнал, что отец послал за мной.

Корран остановился, вспомнив, как в последний раз виделся со своим отцом. И сейчас он не понимал, почему рассказывает об этом Лотти.

– Отец сказал мне, что не собирается менять условия наследования. Я до сих пор не знаю почему. Возможно, он решил, что Эндрю не справится с такой большой ответственностью. Лох-Мхорай отец отдал мне, а все остальное – моей мачехе и Эндрю. Беда в том, что у них не было денег, они жили на широкую ногу последние несколько лет. Осмелюсь предположить, что Мойра решила, будто мебель в доме – меньшее, что она заслуживает. Вот так дом и стал пустым, – сказал Корран.

Лотти оказалась хорошим слушателем. Она пристально смотрела в его лицо, слегка наклонив голову набок, и сосредоточенно слушала.

– Должно быть, ситуация оказалась трудной для всех, – сказала она.

– Для меня она не была трудной, – произнес Корран, доставая тосты, кладя их на тарелку и предлагая Лотти. Она отошла от кухонной плиты и присела за стол. – Я предложил Мойре дом в Лох-Энде, который находится в прекрасном состоянии, но она решила переехать в Эдинбург, заявив при этом, что я выгнал ее из дома.

Лотти нахмурилась:

– Почему бы тебе не рассказать всем правду?

– Потому что мне наплевать на мнение людей! – глухо произнес Корран. Он загрузил новую порцию хлеба в тостер и присел за стол напротив Лотти. – Я понимаю, почему Мойра обижена. Ей всегда было ненавистно то, что я старший сын в семье. Она желала, чтобы я сгинул. – Теперь Корран смотрел на Лотти обиженно и разочарованно. Он был совершенно счастлив, пока она не начала задавать вопросы о его прошлом! – А ты? – спросил он, решив начать расспросы. Он пододвинул к ней масло и джем. – Я полагаю, ты родилась в большой, счастливой семье, где все любят друг друга и ведут праведную жизнь.

Лотти услышала насмешку в его голосе.

– Я не могу утверждать, что семья была большой, – сказала она, намазывая тост маслом. – Я единственный ребенок в семье и была бы рада, если бы у меня был брат или сестра, – прибавила она задумчиво. – Моя мать умерла, когда мне было двенадцать лет, а отец умер в прошлом году.

Наступило молчание.

– Извини, – резко произнес Корран. – Я не должен был ерничать по поводу счастливой семьи.

– Все в порядке. Мои родители любили меня и друг друга. У нас была счастливая семья, я думаю.

– Значит, ты тоже сама по себе, – сказал он после короткой паузы.

– Ну, у меня есть бабушка и двоюродный брат...

«Филипп мне как родной брат», – подумала она.

И, конечно, существовали тысячи людей в Монтлюсе, которые любили ее и считали своей сестрой. У нее не было оснований думать, будто она сама по себе.

– Мужа нет? Или парня?

– Нет. – Ощукая на себе пристальный взгляд Коррана, Лотти предательски покраснела. Намазав тост джемом, она откусила кусочек. – Нет ни мужа, ни парня.

– Так от кого ты убегаешь?

Продолжая жевать, Лотти положила тост на тарелку:

– Я не убегаю.

– Ты сказала, что тебе нужно было уехать, – напомнил он ей.

Лотти вздохнула. Как она могла объяснить Коррану, под каким давлением находилась в то время?

После смерти ее матери бабушка полностью контролировала ее жизнь. Каждая минута Лотти была расписана, и ей пришлось мириться с этим, ибо любое неповиновение считалось ребячеством и проявлением безответственности.

Но как только в страну вернулся принц Филипп, вдовствующая королева Бланш решила, что Лотти обязана, ради блага своей страны, выйти замуж за нелюбимого человека. Филипп понял нежелание Лотти становиться его женой и сам помог ей сбежать.

– Я всегда была послушной девочкой, – сказала Лотти. – Я всегда вела себя хорошо и делала то, чего от меня ждали. Просто какое-то время я решила пожить в других условиях. Я хочу совершать ошибки! И желаю выяснить, такая ли я храбрая, как о себе думаю? Если я сейчас вернусь домой, то действительно окажусь трусихой. Я не убегала, – произнесла она снова. – Я лишь хочу сделать что-то самостоятельно. Только ради себя.

– Тогда тебе придется узнать то, что я узнал давным-давно, – сказал Корран. – В этой жизни ты должна полагаться только на себя.

– Значит, ты решил восстановить поместье, полагаясь только на себя?

Корран кивнул:

– Когда-то это было одно из лучших поместий. Но им не занимались в течение многих лет, и постепенно оно пришло в упадок. Мой отец любил все это. Он устраивал пышные вечеринки, соблюдал традиции, но терпеть не мог копаться в земле, не любил сельское хозяйство. Эндрю точно такой же. Для него поместье – просто источник дохода. Но теперь Лох-Мхорай принадлежит мне. – Корран выпятил челюсть. – И я верну его прежнее величие!

– В одиночку? – с сомнением протянула Лотти.

– В одиночку! – подтвердил Корран. – Конечно, мне было бы легче, если бы у меня были дополнительные финансы. Но я выплачиваю алименты бывшей жене и погашаю долги Мойры и Эндрю, поэтому не могу заняться разведением племенного скота. Вот почему я в первую очередь должен отремонтировать коттеджи и начать получать доход от их аренды, – сказал он, барабанив пальцами по столу. – Летом у меня имеется единственная реальная возможность завершить ремонтные работы. Нужно заниматься стадом. В сентябре я должен выставить овец на продажу. Потом я займусь приобретением баранов, надо увеличивать стадо. Кроме того, мне нужно заниматься лесом.

– Хм, – произнесла Лотти, жуя тост. – Теперь я понимаю, зачем тебе помощники.

– Но из помощников у меня будешь только ты, – язвительно заметил Корран.

Она твердо встретила его взгляд через стол.

– Да, – ответила Лотти. – Только я.

Глава 3

После завтрака Корран показал Лотти комнату наверху. И хотя он предупредил ее, что дом совершенно пустой, она по-прежнему изумленно смотрела на помещения, из которых его мачеха вывезла практически все. В доме не было ни ковров, ни штор, имелись только отдельные предметы мебели, а на стенах красовались отверстия от гвоздей, на которых когда-то висели картины.

Лотти с грустью думала о том, как непорядочно поступила мачеха Коррана, оставив дом в таком состоянии. Корран притворялся, будто его не особенно беспокоит пустота в доме, но Лотти видела его печальную усмешку, когда он говорил о себе, как о лишнем человеке в семье. Неудивительно, что он вырос самодостаточным, но мрачным.

Как и остальные комнаты в доме, ее спальня была скудно обставлена. В ней имелись только кровать и стул с прямой спинкой, стоящие на голом деревянном полу. Однако спальня была светлой и просторной, и из окна открывался прекрасный вид на озеро. Лотти, которая провела всю свою жизнь среди роскоши, была в восторге от своего нового жилища.

Корран отдал ей старую, но чистую хлопчатобумажную рубашку. Лотти надела ее и закатала рукава, стараясь не думать о том, что когда-то эта рубашка касалась тела Коррана.

Вернувшись в коттедж, она решительно расправила плечи и принялась за работу. Первые два часа она выносила старую мебель на улицу. Осталась пара больших комодов, которые перетащить без помощи Коррана ей не удалось. Затем Лотти скатала ковры, кашляя от пыли, а потом стиснула зубы и принялась удалять паутину на потолке.

Самое ужасное – там была не только паутина, но и пауки! Некоторые были такими огромными, что ей пришлось отпрыгивать в сторону, когда они падали на пол. Лотти ненавидела пауков, но не позволяла себе кричать. Ее бабушка говорила, что принцессы не визжат, не кричат и не устраивают шума, ведь они никогда ничего не боятся.

Как только с пауками было покончено, Лотти приободрилась. Пусть она испачкалась и вспотела, зато не нужно никого очаровывать и пожимать бесчисленные руки. Пууки вертелся рядом, с довольным видом обнюхивал все вокруг, старался отодрать плинтусы и рычал на воображаемых крыс.

По крайней мере, Лотти надеялась, что они воображаемые.

Когда ближе к обеду Корран зашел в коттедж, она подметала и тихо напевала по-французски. Пууки носился за шариками пыли. Коррана поначалу никто не заметил, и он в очередной раз убедился, до чего бесполезная собака этот Пууки!

Стоя в дверном проеме, Корран наблюдал, как Лотти неумело подметает пол метлой. Она закатала рукава его рубашки и смешно повязала на голову платок. Грубая ткань рубашки подчеркивала нежность ее рук и изящность шеи.

И эта девушка пела! Неужели она счастлива? Ведь ей следовало устать и испытывать отвращение к грязи. Она должна была сдать и уйти. Да, Корран нуждался в помощниках, но ему требовался опытный рабочий, а не утонченная барышня с удивительными серыми глазами. Лотти была слишком привлекательной...

Корран нахмурился и постучал в дверь костяшками пальцев.

– Я принес обед, – сказал он коротко.

Удивленная Лотти умолкла на полуслове и повернулась. Пууки подскочил к нему и принялся запоздало лаять.

– Тихо! – рявкнул Корран, и песик резко сел на задние лапы, смешно опустив уши и опешив от его тона.

– Он просто рад тебя видеть, – заметила Лотти, улыбаясь. Она поставила метлу у сломанных перил, сняла перчатки и, бросив их на нижнюю ступеньку, подошла к нему, вытирая руки о рубашку. – И я тоже рада, что ты принес обед!

Когда она улыбалась, ее лицо словно светилось, и Корран чувствовал, как у него сжимается сердце. Давненько никто не радовался его приходу...

– Только не жди, что я постоянно буду таскать тебе обед, – сказал он сердито. – Просто я закончил штукатурить и подумал, почему бы нам не перекусить сэндвичами? Во второй половине дня я хочу начать готовить сено для скота, поэтому времени на обед у меня не будет.

– Я не думала, что мне позволят пообедать, – произнесла она. – И не ждала, что ты приготовишь сэндвичи. Вот это сервис!

– Погода не такая уж плохая, – сухо сказал он. – Почему бы нам не поесть у озера?

– Замечательная идея! – воскликнула Лотти. Выбравшись из затхлого коттеджа, она глубоко вдохнула свежий воздух. Положив руки на поясницу, она потянулась, слегка скривившись от боли в мышцах.

– Уже устала? – спросил Корран.

– Ничуть, – сказала она, решив не показывать, как радуется возможности оторваться от работы на некоторое время. – Как здорово, что ты принес обед!

Они подошли к озеру, и Лотти вымыла руки. Корран стал разворачивать пакет с сэндвичами, положив его на выступ скалы.

– Сэндвичи совсем обыкновенные, – предупредил он, протягивая ей раскрытый пакет.

Лотти взяла сэндвич и уселась на скалистый выступ рядом с Корраном.

– Отлично, – сказала она, не в силах поверить, до чего проголодалась.

Сэндвич представлял собой кусок сыра между двумя ломтями магазинного хлеба, но Лотти наслаждалась едой как никогда. Она очень хорошо себя чувствовала, сидя здесь, на свежем и немного прохладном воздухе, в котором витал едва слышимый запах торфа.

Лотти сняла платок, и ветерок взъерошил ее волосы. Откусив от сэндвича, она повернула лицо к солнцу, едва проглядывавшему сквозь облака.

– Хорошо, – пробормотала она, хотя принцессам запрещено разговаривать с набитым едой ртом. Ерунда! О манерах она вспомнит, когда вернется домой, но сейчас может делать все, что захочет.

Корран налил кофе из термоса в пластиковые кружки. Поставив термос, он смахнул паутину с плеча Лотти.

– Ты испачкалась, – сказал он.

Его прикосновение было небрежным, но Лотти насторожилась.

– Вот что происходит, когда пытаешься избавиться от сорокалетней грязи, – произнесла она, смутившись и обнаружив, что вдруг у нее перехватило дыхание.

Коррана нельзя было назвать особенно привлекательным. Внешне твердый и непоколебимый, как скала. Темные брови почти все время сдвинуты вместе над светлыми пронизательными глазами. И все же одного прикосновения его пальцев было достаточно, чтобы в жилах Лотти забурлила кровь. Одного взгляда на его губы было достаточно, чтобы ее сердце тревожно екнуло...

Не догадываясь о ее чувствах, Корран протянул ей кружку:

– Не помню, какой кофе ты пила утром, поэтому добавил молока.

– Все равно, – ответила она, передвинулась на камне и наморщила нос, глядя на кружку. – Не сочти меня неблагодарной, но я не могу назвать этот напиток кофе.

– Я мог бы догадаться, что ты принцесса, – сказал Корран, и Лотти вздрогнула и едва не пролила содержимое кружки себе на рубашку.

– Что?!

– Ты очень привередлива к кофе. – Его слова внезапно прозвучали весьма резко. Он явно о чем-то размышлял. – Ты только что пела по-французски... Ты в совершенстве говоришь по-английски, поэтому я не догадался... Но ты ведь француженка?

– Я из Монтлюса, – уточнила она, подняв подбородок.

– Разве он не входит в состав Франции?

Лотти рассердилась. Почему все так думают?

– Нет! Мы говорим на французском языке, но Монтлюс – независимое государство, и у нас свой король.

– И вы воинственно настроены, – предположил Корран, покосившись на нее.

– Вовсе нет! Государство у нас маленькое, но люди очень гордые.

Уголок его рта приподнялся.

– Я вижу. Все ли в Монтлюсе так хорошо говорят по-английски, или это лишь твоя способность к языкам? Я бы не догадался, если бы не слышал, как ты поешь.

– После смерти матери меня отправили в школу в Англии, – сказала она. – В стране, где все говорят на одном языке, быстро его выучиваешь.

– Должно быть, трудно потерять мать и отправиться на чужбину? – произнес Корран.

– Это было не лучшее время в моей жизни, – согласилась Лотти, – но я должна была смириться.

Она попросила отца позволить ей остаться с ним в Монтлюсе, но после смерти матери жизнью Лотти руководила исключительно ее бабушка. Вдовствующая королева Бланш решила, что Лотти обязана научиться говорить по-английски и сменить обстановку. Ребенок слишком нервничает, незачем ему хандрить, оставаясь в Монтлюсе. Поэтому Лотти отправили в школу. Она не плакала и не жаловалась, но школу ненавидела.

– Сначала мне было ужасно трудно, – призналась она, потягивая кофе. – Но зато там я познакомилась с Каро. Мы обе были ужасно одиноки, а кроме того, я заикалась. Я до сих пор немного заикаюсь, когда волнуюсь, – призналась она.

– Я заметил.

А все остальные делали вид, что не замечают ее заикания...

Корран разглядывал ее лицо:

– Ты изменилась?

– Я рассталась с детской наивностью и в конечном счете повзрослела.

– Ты не просто выросла. Ты стала красивой женщиной, – категорично заявил Корран. – Я уверен, ты об этом знаешь.

Лотти часто слышала о том, как красива, и смущалась.

– Я скорее симпатичная, – уклончиво сказала она.

– Разве это не лучше, чем быть красивой?

– Симпатичная – мне нравится больше. – Она стала ковырять гальку носком ботинка. – Быть красивой не то же самое, что быть желанной.

– Да, – произнес он задумчиво через минуту. – Полагаю, что ты права.

В тот же день, очистив коттедж от грязи, Лотти закрыла двери и окна коттеджа, чтобы внутрь не проникали комары, и стала сдирать со стен старые обои. У нее болели руки, в глаза будто песок попал, но она помнила наказ бабушки о том, что принцесса не имеет права жаловаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.